

Четырежды финалист
Букеровской премии

Али Смит

Девушка встречает парня

Ничто не сохраняется,
ничто не теряется
и ничто никогда не погибает

Али Смит

Девушка встречается парня

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67189085

Девушка встречается парня. / Пер. с англ. В. Нугатова: Лайвбук; Москва;
2022
ISBN 9785907428188

Аннотация

«Девушка встречается парня» – книга из серии древних мифов, переосмысленных современными писателями из разных стран, среди которых Антония Сьюзен Байетт, Маргарет Этвуд, Давид Гроссман, Су Тун, Ольга Токарчук, Виктор Пелевин и др.

Остроумный и полный драматизма рассказ о жизни двух шотландских сестер переплетается с одной из самых счастливых любовных историй из «Метаморфоз» Овидия. Книга о девочках и мальчиках, девочках и девочках, любви, трансформациях, о том, как быть собой, даже если приходится идти против системы.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Али Смит

Девушка встречает парня

Ali Smith

Girl meets boy

Copyright © Ali Smith, 2007

© Валерий Нугатов, перевод на русский язык, 2021

© Livebook Publishing Ltd, оформление, 2021

*Τάδε νυν εταιραῖς τοᾶς ἐμαῖσι τέρπνα κάλως
οἰείσω¹*

Посвящается Люси Катбертсон

Посвящается Саре Вуд

*Где-то далеко, в какой-то иной классификации,
вдалеке от того снобизма и пафоса, которыми
опутаны наши души и тела, куется орудие нового
рассвета.*

Э. М. Фостер

*Отличие узколобости в том, что она не доверяет
неопределенности.*

Йозеф Рот

¹ Я спою теперь это умело, дабы угодить своим любовницам (древнегреч.).
Цитата из Сапфо, приводимая Афинеем (ок. 170 – не ранее 223). – *Здесь и далее
прим. перев.*

*Я думаю о различии между историей и мифом.
Или между выражением и видением. Потребность
в повествовании и в то же время потребность
вырваться из темницы рассказа – через неправильное
цитирование.*

Кэти Акер

*Гендер не следует истолковывать как устойчивую
идентичность... скорее, гендер – это идентичность,
нестабильно формирующаяся во времени.*

Джудит Батлер²

Упражняйтесь только в невероятном.

Джон Лили³

² Джудит Батлер (р. 1956) – американский философ, представительница постструктурализма, оказавшая существенное влияние на развитие феминизма, квир-теории, политической философии и этики.

³ Джон Лили (1553/54–1606) – английский драматург и романист, один из предшественников Шекспира.

Давайте расскажу вам, как я был девушкой, – говорит наш дед.

Сейчас вечер субботы: по субботам мы всегда у них гостим. Диван и стулья отодвинуты к стенам. Тиковый кофейный столик с середины комнаты переставлен под окно. Пол расчищен для кувырков назад и вперед, жонглирования апельсинами и яйцами, обучения тому, как делать «колесо», как стоять на голове, как ходить на руках. Мы стоим вниз головой, а дедушка держит нас за ноги, пока мы не добьемся равновесия. Перед тем как познакомиться с бабушкой и жениться на ней, дедушка работал в цирке. Однажды он сделал стойку на голове наверху целой труппы, стоявшей на голове. Однажды он прошел по канату через Темзу. Темза – это такая река в Лондоне, которая находится в пятистах двадцати милях отсюда, если верить карте в дорожном атласе, стоящем между прочими книжками дома у папы. Что, правда, через Темзу? – говорит бабушка. – А разве не через Ниагарский водопад? А, Ниагара, – говорит дедушка. – Так это совсем другой коленкор.

Все происходит после гимнастики и перед «Свиданием вслепую»⁴. Иногда после гимнастики вместо этого идет «Игра поколений»⁵. Очень давно, задолго до нашего рождения,

⁴ «*Blind Date*» – игровое шоу, выходившее с 1985 по 2003 год и возобновленное в 2017–19 гг.

⁵ «*Generation Game*» – игровое шоу, на котором состязаются четыре команды

когда мама была такой же маленькой, как мы, «Игра поколений» была любимой ее передачей. Но мамы с нами больше нет, да и вообще нам больше нравится «Свидание вслепую», где каждую неделю без осечки парень выбирает из трех девушек одну, а девушка выбирает из трех парней одного, и всякий раз между ними ширма и Силла Блэк⁶. Потом парни и девушки, выбранные на прошлой неделе, возвращаются и рассказывают о своем свидании вслепую, обычно кошмарном, и мы всегда полны ожидания, будет ли свадьба – так называется то, что бывает перед разводом, и по такому случаю Силла Блэк надевает шляпу.

Но в таком случае Силла Блэк сама-то кто – парень или девушка? Кажется, ни то ни другое. Если ей захочется, она может взглянуть на парней или может зайти за ширму и взглянуть на девушек. Она может переходить то туда, то сюда, как фокусница или приколистка. Публика всегда радостно при этом смеется.

Что ты несешь, Антея, – говорит Мидж, глядя на меня в недоумении.

Силла Блэк – из шестидесятых, – говорит бабушка, будто это все объясняет.

Время субботнего чаепития, после ужина и перед ванной.

из двух человек из одной и той же семьи, но из разных поколений. Выходило с 1971 по 1982 год и затем неоднократно возрождалось.

⁶ *Присцилла Мария Вероника Уайт* (сценический псевдоним – Силла Блэк) (1943–2015) – английская певица, телеведущая, актриса и писательница. В 1985–2003 гг. была ведущей телешоу «Свидание вслепую».

Всегда так здорово сидеть на стульях там, где они обычно не стоят. Я и Мидж – на коленях у бабушки, мы все втроем втиснулись в отодвинутое кресло и ждем, пока усядется бабушка. Она подтягивает свое кресло поближе к электрокамину. Всем весом наваливается на кофейный столик и сдвигает его, чтобы видеть счет футбольного матча. Для этого не нужно делать звук громче. Потом она аккуратно складывает журналы на нижнюю полку столика и усаживается. Над чашками поднимается пар. Во рту вкус тостов с маслом. По крайней мере, так я предполагаю, ведь все мы едим один и тот же тост, ну, разные кусочки одного и того же тоста. Потом я начинаю волноваться. А что, если все мы ощущаем вкус по-разному? Что, если каждый кусочек тоста на вкус совсем другой? Ведь даже те два кусочка, что съела я, уж точно немного отличались по вкусу. Я озираюсь вокруг, перевожу взгляд с одной головы на другую. Потом снова пробую вкус у себя во рту.

Так я никогда вам не рассказывал, как меня посадили на неделю в тюрьму, когда я был девушкой? – говорит бабушка.

За что? – говорю я.

За то, что ты называл себя девушкой, хотя ею не был, – говорит Мидж.

За то, что написал слова, – говорит бабушка.

Какие слова? – говорю я.

НЕТ ГОЛОСОВ – НЕТ ГОЛЬФА, – говорит бабушка. – Нас посадили в тюрьму за то, что мы написали это кислотой

на площадке для гольфа, мы с моей подружкой. Зачем такой молодой девушке кислота? – спросил аптекарь, когда я зашла ее купить.

Дедуля, перестань, – говорит Мидж.

Зачем такой девушке пятнадцать бутылок кислоты? – сказал он. Я рассказала правду, вот дурочка. Я хочу написать ею слова на поле для гольфа, – сказала я, и он мне ее, конечно, продал, но потом пошел и в точности доложил Гарри Кэткарту в полицейском участке, кто к нему заходил купить оптом кислоты. Но в тюрьму мы отправились с гордостью. Я была гордой, когда за мной пришли. В полицейском участке я рассказала все: мол, сделала это потому, что моя мама не может написать словами свое имя, тем более проголосовать. Ваша прабабушка расписывалась крестами: Х Х Х. Мэри Изобел Ганн. И когда мы вышли на Грязный марш⁷, – говорит дедушка. – Батюшки светы! Его называли Грязным маршем, потому что... потому что почему?

Из-за какой-то грязи, – говорю я.

Из-за грязи на подолах наших юбок, – говорит дедушка.

Дедуля, – говорит Мидж. – Не надо.

Слышали бы вы эту смесь акцентов, что доносилась со всех сторон! Будто огромная стая самых разных птиц, и все

⁷ Объединенное женское шествие, или Грязный марш, – мирная демонстрация в Лондоне 9 февраля 1907 г., организованная Национальным союзом женских суфражистских обществ. Более 3 тыс. женщин прошли маршем от Гайд-парка до Стрэнда в поддержку женского избирательного права. Марш получил свое название из-за проливного дождя, который не прекращался весь день.

летят в небе и поют одновременно. Черные дрозды, зяблики, чайки, певчие дрозды, скворцы, стрижи и чибисы – представьте себе! Мы съехались со всей страны – из Манчестера, Бирмингема, Ливерпуля, Хаддерсфилда, Лидса, все девушки, работавшие с одеждой, ведь большинство из нас именно этим и занимались, я имею в виду текстиль, а еще из Глазго, из Файфа и даже прямо вот отсюда мы приехали. Вскоре нашего марша так испугались, что приняли против нас новехонькие законы. Сказали, что мы можем маршировать только группами не более двенадцати человек. И каждая группа из двенадцати девушек должна была находиться в пятидесяти ярдах от любой другой группы из двенадцати человек. И как вы думаете, что в нас кидали во время марша? Как думаете, что в нас кидали, когда мы выступали перед большими толпами слушавшего народа?

Яйца и апельсины, – говорю я. – Грязь.

Помидоры и рыбы головы, – говорит Мидж.

А что мы кидали в Казначейство, в Министерство внутренних дел, в здание Парламента? – говорит он.

Рыбы головы, – говорю я.

Идея швырять рыбы головы в государственные исторические здания кажется мне очень забавной. Дедушка крепче меня сжимает.

Нет, – говорит он. – Камни, чтобы разбивать окна.

Не очень-то женственно, – говорит Мидж с другой стороны его головы.

Вообще-то, мисс Мидж... – говорит дедушка.

Я не Мидж, – говорит Мидж.

Вообще-то, так вышло, что мы были очень даже женственными. Мы кидали камни в холщовых мешочках, которые сшили своими руками специально для камней. Вот какими мы были женственными. Но это неважно. Неважно. Слушайте дальше. Слушаете? Готовы?

Ну, началось, – говорит бабушка.

Я никогда не рассказывал вам, как сыграл очень важную, решающую роль в тайном вывозе из страны Жгучей Лили – знаменитой Поджигательницы Зданий с северо-востока?⁸

Нет, – говорю я.

Нет, – говорит Мидж.

Ну, тогда я расскажу, да? – говорит дедушка.

Да, – говорю я.

Ладно, – говорит Мидж.

Уверены? – говорит он.

Да! – говорим мы вдвоем.

Жгучая Лили, – говорит он, – была знаменитой. Она много чем прославилась. Она была танцовщицей и была очень-очень красивой.

Всегда на девиц глаз был наметан, – говорит бабушка, не сводя своих глаз с телевизора.

И вот однажды, – говорит дедушка, – на свой двадцать первый день рождения, в день, когда прекрасная (хотя, ко-

⁸ *Лилиан Лентон* (1891–1972) – английская танцовщица и суфражистка.

нечно, не настолько прекрасная, как ваша бабушка), в день, когда прекрасная Жгучая Лили стала полноценной взрослой женщиной, – что и должно случаться в день, когда тебе исполняется двадцать один, – она посмотрела в зеркало и подумала: все, с меня хватит. Пойду менять мир. И тут же вышла на улицу и разбила себе на день рожденья окно.

Дурацкий подарок, – говорит Мидж. – На свой я попрошу мини-купер.

Но вскоре она решила, что хотя бить окна – для начала, конечно, хорошо, но этого маловато. Поэтому она принялась поджигать здания – здания, в которых не было людей. Это сработало. Привлекло внимание. Затем ее вечно доставляли на повозке в тюрьму. И там, в тюрьме, в камере, знаете, что она сделала?

Что? – говорит Мидж.

Просто отказалась от еды, – говорит он.

Зачем? – говорю я и, пока это говорю, снова чувствую всем своим нутром вкус тоста.

Потому что она была типа анорексички, – говорит Мидж, – и пересмотрела собственных фоток в журналах.

Потому что ей больше ничего оставалось, – говорит мне дедушка поверх головы Мидж. – Тогда все так поступали – из протеста. Мы бы все так поступили. Я бы тоже так поступил. И вы.

Уж я-то нет, – говорит Мидж.

Как миленькая. Ты бы тоже так поступила, если бы боль-

ше ничего не оставалось. И тогда Жгучую Лили заставили есть.

Как так? – говорю я. – Нельзя же заставить кого-то есть.

Вставили в горло трубку и засунули в трубку еду. Вот только по ошибке вставили не в то горло – в дыхательное, и закачали еду прямо в легкие.

Зачем? – говорю я.

Фу, – говорит Мидж.

Роб, – говорит бабушка.

Они должны знать, – говорит дедушка. – Это правда. Так было. И после того, как ей засунули в дыхательное горло трубку, Лили очень сильно заболела, так что пришлось выпустить ее из тюрьмы, иначе бы она умерла. А это было бы очень плохой рекламой для полиции, для тюрьмы и для правительства. Но когда Жгучая Лили поправилась, ввели новый закон, который гласил: «Как только одна из этих девушек вылечится на воле, а не будет умирать здесь в тюрьме, у нас на руках, будто это мы ее угробили, можно тут же снова ее арестовать». Но знаете что?

Что? – говорю я.

Что? – говорит Мидж.

Жгучая Лили постоянно проскальзывала между пальцами. Она вечно выходила сухой из воды. Вечно поджигала пустые здания.

Она что, чокнутая была? – говорит Мидж.

Только пустые здания, заметьте, – говорит дедушка. –

«Я никогда не подвергну опасности ни одну человеческую жизнь, помимо своей, – сказала она. – Входя в здание, я всегда кричу, чтобы убедиться, что там никого нет. Но я буду заниматься этим, сколько понадобится, чтобы изменить мир к лучшему». Вот что она сказала в суде. Она называла себя в суде кучей разных имен. Лилиан. Ида. Мэй. Тогда еще не знали, как нынче, внешности каждого из нас, и она могла проскользнуть между пальцами, как проскальзывает вода, если зажать ее в кулаке. Тогда еще не пользовались киноплёнкой и фотографиями, как нынче, чтобы знать, кто каждый из нас такой.

Я поднимаю руку, свернутую в кулак. Разжимаю ее, затем сжимаю.

И она продолжала этим заниматься. А полиция все время за ней охотилась. И мы знали, в следующий раз она точно умрет – умрет, если ее снова поймают, ведь она слишком ослабла и уже не переживет этих голодовок. И вот однажды – вы слушаете?

Да, – говорим мы.

Однажды, – говорит дедушка, – ко мне пришла одна наша подружка и сказала: «Завтра ты должна будешь нарядиться посыльным».

Что еще за посыльный? – говорю я.

Тс-с, – говорит Мидж.

Я была невысокая, – говорит дедушка. – Мне было девятнадцать, но я могла сойти за двенадцати- или тринадцати-

летнюю. И я немного смахивала на мальчика.

Ну да, – говорит Мидж, – ведь ты же им и был.

Тс-с, – говорю я.

И я проверила одежду, которую она принесла мне в сумке, – говорит дедушка. – Одежда была довольно чистая, не слишком вонючая, слегка пахла кожей, слегка пахла парнями.

Фу, – говорит Мидж.

А как пахнут парни? – говорю я.

На вид казалось, она будет мне впору. И кто бы мог подумать – подошла. В общем, я надела ее на следующее утро и села в продуктовый фургон, который остановился рядом с моим домом. И девушка, что вела грузовик, вышла, а за руль сел парень, и, выходя, она поцеловала парня. А перед тем как залезть под брезент в задней части фургона, девушка дала мне свернутый комикс, яблоко и корзину со всякой всячиной – чаем, сахаром, капустой, парой морковок. И сказала: теперь натяни пониже фуражку и уткнись головой в комикс, а когда выберешься из фургона, грызни яблоко. В общем, я все это сделала – сделала, как она сказала: раскрыла наугад комикс и держала его перед собой, картинки всю дорогу прыгали перед глазами, и когда мы добрались до нужного дома, парень за рулем остановил фургон, входная дверь дома открылась и женщина крикнула: «Все хорошо! Он здесь!» И я зашла сзади, как обычно делали посыльные, прикрываясь комиксом и два раза откусив от яблока, а оно было большое

– яблоки тогда были гораздо больше, в те времена, когда я была девушкой.

В этот раз Мидж ничего не говорит. Она жадно слушает, я тоже.

И в коридоре большого старого дома я увидела себя в зеркале, только это было не зеркало и это была не я. Это был кто-то другой, одетый точно так же: привлекательный парень в точно такой же одежде. Но он был очень, очень красивый, и так я поняла, что он не я, а я не он.

Роб, – говорит бабушка.

Он был красивый, хотя очень худой и бледный, и он широко мне улыбнулся. А женщина, которая провела меня по дому, перевернула корзину, так что продукты рассыпались по всему полу, будто продукты ее не волновали, а потом передала пустую корзину красивому парню и велела мне отдать ему комикс и яблоко. Парень легко закинул корзину себе на руку и распахнул комикс у себя на ладони, затем и сам откусил от яблока в другой руке и, выйдя в дверь, обернулся и подмигнул мне. И тогда я увидела. Это был никакой не парень, а прекрасная девушка. Сама прекрасная Жгучая Лили, одетая, точь-в-точь как я, повернулась и подмигнула мне.

Дедушка подмигивает бабушке.

Да, Хелен? – говорит он.

В древности у кельтских племен, – говорит бабушка, – женщины пользовались привилегией. Всегда нужно бороться за то, что потерял. Даже если не знаешь, что у тебя это во-

обще когда-нибудь было. — Она поворачивается к телевизору. — Господи. Шесть — ноль, — говорит она и качает головой.

Я хочу французский макияж глаз, — говорю я.

У вас и так уже есть какой угодно макияж глаз, — говорит дедушка, — благодаря таким девушкам, как Жгучая Лили. И знаете что, знаете? В тот же день она добралась до самого побережья, где за много миль ее поджидала лодка, а полиция, следившая за домом, даже не догадалась, что Лили там была и оттуда уехала.

Дедуля, ты что, спятил? — говорит Мидж. — Ведь если все посчитать, даже если б ты был девушкой, то должен родиться еще в начале столетия, ну да, в смысле ты старый и все такое, но не настолько же.

Мидж, моя милая горячая циничная душенька, — говорит дедушка. — Ты еще узнаешь о той надежде, что превращает события в историю. Иначе для твоих собственных великих истин не останется никакой доброй надежды, а для твоих собственных внуков — никаких добрых истин.

Меня зовут Имоджен, — говорит Мидж и спускается с его колена.

Бабушка встает.

Вашему дедушке нравится думать, что все истории на свете должен рассказывать он, — говорит она.

Только самые важные, — говорит дедушка. — Только те, что нужно рассказывать. Некоторые истории рассказывать всегда нужнее. Так ведь, Антея?

Так, дедуля, – говорю я.

* * *

Ну да, все так, – сказала Мидж. – А потом ты сразу же вышла на улицу и кинула камень в окно кухни, помнишь?

Она показала на окно, которое теперь находилось прямо перед нами, с нарциссами в вазе и шторами, за которыми она ездила в самый Абердин.

Нет, – сказала я. – Вообще этого не помню. Не помню ничего такого. Помню только что-то о «Свидании вслепую» и о том, что всегда были тосты.

Мы обе уставились на окно. Это было то самое окно, но, конечно, другое, почти пятнадцать лет разницы. Не похоже было на то, что его когда-нибудь могли разбить или что оно когда-нибудь хоть чем-то отличалось от того, каким было сейчас.

Оно разбилось? – сказала я.

Ну да, разбилось, – сказала она. – Конечно, разбилось. Вот какой девчонкой ты была. Надо мне было это вписать в твой психологический портрет для «Чистоты». Чрезвычайно внушаема. Бездумная бунтарка.

Ха, – сказала я. – Уж это вряд ли. Я никакая не внушаемая. – Я кивнула головой на фасад дома. – Я имею в виду, кто пошел и купил мотоцикл за несколько тысяч фунтов лишь потому, что на нем было написано «БУНТУЙ»? – сказала я.

Да я не поэтому его купила, – сказала Мидж, и ее шея покраснела до самых ушей, как тот мотоцикл. – Просто цена была подходящая, ну и подходящая форма. Я купила его не из-за какой-то дурацкой надписи.

Мне уже было стыдно за то, что я сказала. Мне стало стыдно, как только слова слетели с губ. Вот на что способны слова. Ведь теперь, возможно, она уже никогда не сможет без задней мысли сесть на этот мотоцикл, и виновата буду я. Возможно, для нее я испортила мотоцикл. Я уж точно ее разозлила – я поняла это по тому, с каким спокойствием она властно указала, чтобы я не опаздывала, и велела, чтобы я не называла ее Мидж на работе, особенно перед Китом. Затем она так бесшумно защелкнула за собой входную дверь, что это показалось оскорбительным.

Я попыталась вспомнить, кто там у них в «Чистоте» был Китом. Все выглядели одинаково: боссы со слегка англазированным акцентом и модненькими гладко бритыми головами. Все выглядели староватыми для подобных стрижек. Все выглядели почти лысыми. Все выглядели так, что любого из них можно было назвать Китом.

Я услышала, как она сняла чехол и аккуратно его сложила, затем я услышала, как она села на мотоцикл, завела его и с ревом умчалась по подъездной дорожке.

Бунтуй.

Шел дождь. Я надеялась, она не будет лихачить под дождем. Надеялась, тормоза у нее исправные. Дождь лил здесь

каждый день, с тех пор как я вернулась, все восемь дней. Шотландский дождь – это не миф, а обыденность. Ничего, кроме дождя, детка, восемь дней в неделю⁹. Дождь хлещет каждый день. Когда я ростом да была еще с вершок, тут как раз и ветер и дождь¹⁰.

Да, ведь когда мы ростом да были еще с вершок, Мидж в том числе бесило, что он всегда переиначивал слова. О, если ты покоен, не растерян... Когда теряют головы вокруг... И если ты готов к тому, что слово... И если можешь сердце, нервы, жилы... И если будешь мерить расстоянье... Секундами, пускаясь в дальний бег... Земля – твое, о дочерь, достоянье! И более того, ты – женщина¹¹ НЕТ-НЕТ-НЕТ, ДЕДУЛЯ, ТАК НЕ СКЛАДНО, – визжала она. Она стояла на линолеуме прямо там, где теперь лежал новый паркет, и кричала в какой-то изумительной ярости: «Не меняй слова! Ты их меняешь! Так нельзя! Это неправильно!» Я и это забыла. Изумительная благодать, о сладостный звук¹². А еще: «Мидж, можно мне эту книжку?» «Можно, если скажешь волшебное слово – какое волшебное слово?» Волшебным

⁹ Из песни «Битлз» «*Eight Days a Week*» с альбома «Beatles for Sale» (1964). В оригинале: «Ничего, кроме любви».

¹⁰ Шекспир, «Двенадцатая ночь», акт V, сцена 1, пер. М. А. Лозинского. В оригинале шут исполняет песню от мужского лица.

¹¹ Р. Киплинг, «Заповедь». Пер. С. Маршака.

¹² «О благодать» (*Amazing Grace*) – всемирно известный христианский гимн, написанный в 1779 г. английским поэтом и священнослужителем Джоном Ньютоном.

словом было Имоджен. «Мидж, можно доесть твою картошку?» «Мидж, можно взять твой велик?» «Мидж, скажешь, что это ты сломала?» «Да, если скажешь волшебное слово – какое волшебное слово?» В Мидж что-то изменилось. Что-то существенное. Я попыталась вспомнить, что это было. Оно стояло прямо у меня перед глазами, но я никак не могла разглядеть.

У них был тиковый кофейный столик. Я сейчас вспомнила, как они гордились тем, что он был из тика. Бог знает почему. Неужели тик был такой невидалью? Тиковый кофейный столик давно исчез. Исчезли все их вещи. Я была без понятия куда. Единственное реальное ощущение, будто оба по-прежнему здесь, исходило от того, как падал свет через ту самую застекленную входную дверь, да от фотографии в рамочке, которую Мидж повесила на стену рядом с тем местом, где раньше находилась дверь столовой.

Столовая. Ну и словечко. Давно исчезнувшее слово, канувшее на дно морское. Мидж снесла стены между столовой и гостиной, чтобы получилась одна огромная комната. Провела центральное отопление. Снесла стену между ванной и малюсенькой спальней, где я спала субботними ночами, когда мы здесь останавливались, – снесла, чтобы увеличить ванную: теперь на месте моей односпальной кровати стояла ванна. Заасфальтировала палисадник, где у бабушки росли розы и гвоздики. Теперь Мидж ставила там свой мотоцикл.

На фото они казались старыми, теперь я это заметила. Они были похожи на двух стариков. Черты лица смягчились. Он стал гладеньким, с милым, почти девичьим личиком. Она казалась сильной, поджарой, словно в старую кожу влез улыбочивый молодой парень из фильма про Вторую мировую. Они казались умудренными. Были похожи на людей, которым уже все равно, которые понимали, как мало осталось времени. Лодка номер два, возвращайтесь, ваше время истекло. Пять лет назад они поехали на отдых в Девон. Из прихоти купили в лодочном магазине тримаран и отправили нашему отцу записку. Дорогой сын, мы уехали посмотреть мир, привет девочкам, скоро вернемся. Из прихоти отплыли. Они ни разу не плавали под парусом.

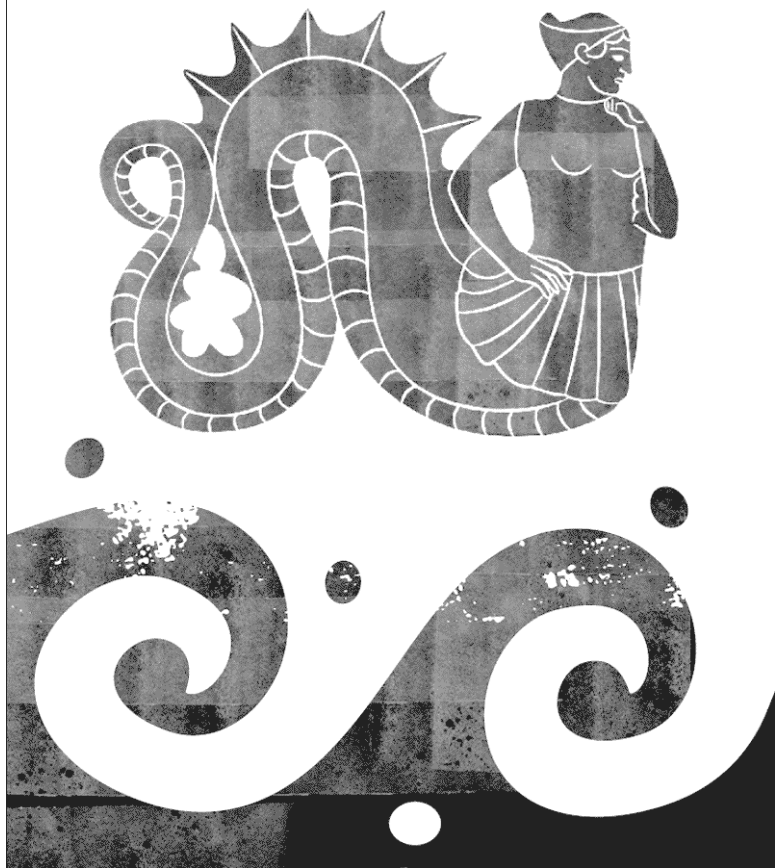
Умудренные дурачки. Они присылали нам открытки с берегов Испании и Португалии. Потом открытки приходиться перестали. Два года назад отец приехал на север и поставил надгробный камень на их пустом месте на кладбище – месте, которое они купили еще до нашего рождения, – с их именами и фотографией, той самой, на которую я смотрела сейчас, и слова на камне под деревьями, рядом с каналом, среди птичьего пенья и сотен других камней, над пустым участком земли, гласили: **РОБЕРТ И ХЕЛЕН ГАНН, ЛЮБИМЫЕ РОДИТЕЛИ, ДЕДУШКА И БАБУШКА, ПРОПАВШИЕ В МОРЕ В 2003 ГОДУ.**

На спинах дельфинов. Дружбу водили с волнами¹³.

¹³ Шекспир, «Двенадцатая ночь», акт I, сцена 2.

Затем он предложил отдать дом нам, если хотим. Мидж вселилась. Теперь и я жила здесь, благодаря Мидж. Теперь и у меня была работа, благодаря Мидж.

Мне не особо хотелось быть благодарной Мидж.

Но я была у себя дома, я была дома здесь в Инвер-
несе, благодаря Мидж. Ну, благодаря им двоим, «на дне

морском»¹⁴, водоросли покачивались над их рассыпанными костями, передвигавшимися по песчаному морскому дну. Морское дно темное? Холодное? Проникает ли туда хоть какой-нибудь солнечный свет? Их похитили сирены, заманили Сцилла и Харибда. Силла и Харибда. Вот откуда у меня в голове всплыло «Свидание вслепую». Вот почему я вспомнила то небольшое об этих субботах, что не забыла до конца, – субботние тосты, субботние телепередачи. Это, а также застывшие, но текущие черты лица на стене, лица старых, умудренных людей.

Мне хотелось быть старой. Надоело быть такой молодой, такой идиотски понимающей, такой идиотски забывчивой. Надоело вообще хоть чем-нибудь обладать. Я ощущала себя интернетом, переполненным всевозможной информацией, но вся она была совершенно равноценной, а все ссылок напоминали тонкие белые корни сломанного растения, вырытого из почвы и высыхающего, лежа на боку. Как только я пыталась получить доступ к самой себе, как только пыталась кликнуть на себя, пыталась хоть немного углубиться в значение этого «я», в смысле, углубиться дальше единственной быстро загружающейся страницы на Facebook или MySpace, я словно бы знала, что однажды утром проснусь и попытаюсь залогиниться, но обнаружу, что даже этой версии «меня» больше не существует, поскольку во всем мире упали все сервера. Настолько оторванная от корней. Настолько хруп-

¹⁴ Шекспир, «Буря», акт I, сцена 2.

кая. И что тогда делать бедной Антее, бедняжечке?

Я бы села в сарае. И согрелась. И спрятала голову под крыло, бедняжечка.

Мне стало интересно, помнит ли Мидж эту песню – о птице в сарае и приближающемся снегопаде. Я помнила, что это как-то связано с мамой. Я не знала, это подлинное воспоминание или я просто его придумала.

Я села на кухонный пол. Начертила пальцем на паркете квадрат. Перестань. Возьми себя в руки. Я должна была уже ехать на работу. У меня уже должен был начаться следующий новый день в новой «Чистоте». У меня была хорошая новая работа. Я зарабатывала хорошие деньги. Все было хорошо. Я была креативщиком. Вот чем я была. Вот кем я была. Антея Ганн, креативщик из «Чистоты».

Но я смотрела на своих дедушку и бабушку на фото, обнимавшихся и склонявших друг к другу головы, и мне хотелось, чтобы мои собственные кости рассыпались, хотелось, чтобы они перемешались, обглоданные рыбами, с костями другого тела, тела, которое мои кости, душа и сердце любили с бездонной уверенностью десятки лет, и чтобы теперь мы оба лежали на глубине, позабыв обо всем, кроме того, что голые кости – на темном морском дне.

Мидж была права. Я опаздывала на работу. Уже опоздала. Не Мидж. Имоджен. (Кит.) Какое волшебное слово?

Хорошо, хоть у сестры шекспировское имя. Хорошо, хоть ее имя что-то означает. Антея. Ну ей-богу.

Разве детей не должны называть в честь богов и богинь, рек, важных мест, героинь книг или пьес, или членов семьи, которых не стало еще до их рождения?

Я поднялась на второй этаж и оделась по-деловому. Спустилась на первый этаж. Взяла зонтик. Надела куртку. Остановилась и посмотрела в зеркало, перед тем как выйти из дома. Мне был двадцать один год. У меня были светлые волосы и голубые глаза. Меня называли Антея Ганн, в честь какой-то девушки из прошлого, которой я никогда не видела, девушки из вечерней субботней телепередачи, девушки, которая всегда что-то крутила, всегда носила симпатичные платья и на которую мама, когда она сама ростом да была еще с вершок, всей душой мечтала быть похожей, когда наконец вырастет.

* * *

На улицу я вышла мрачная. Вдохнула чистого воздуха. Воздух был наполнен птичьим пеньем. Я вышла на улицу, ожидая, что идет дождь, но там было солнечно, там было так неожиданно, так откровенно солнечно, такой резкий весенний свет исходил от реки, что я спустилась по береговому склону и села посреди нарциссов.

Вверху по тротуару проходили люди. Они смотрели вниз на меня, как на сумасшедшую. Перила обходила дозором чайка. Она разглядывала меня, как сумасшедшую.

Явно, никто никогда не спускался на берег реки. Явно,

никто не должен этого делать.

Я скатилась к водной кромке. Обувь для этого не подходила. Я сняла ее. Трава была очень мокрая. Подошвы колготок от нее потемнели. Я испорчу деловой костюм.

Поверхность Несса рядом с берегом была усеяна цветами, они плескались у моих ног – тонкая изморозь из плавающих лепестков, которые сдуло ветром с деревьев возле собора за спиной. Реку обрамляли церкви, словно демонстрируя: порядочные люди еще во что-то верят. Возможно, они и верили. Возможно, считали, это что-то меняет: все ритуальные венчания, крещения, конфирмации и погребения, все эти столетия, когда в разных своих церквях, наполненных одним и тем же холодным воздухом с гор и с Ферта, люди просили о том, чтобы вещи доказали, что они все-таки имеют смысл, просили о каком-нибудь подтверждении того, что мир находится не в человеческих, а в более важных руках. Лично я была бы счастлива, думала я, сидя на мокрой траве и засунув руки в еще не остывшие туфли, если бы просто знала, что мир – это ягода в клюве у птицы или всего-навсего скошенная дернина вроде этой, которую одним прекрасным весенним утром извлекло из космической пустоты то или иное бессмысленное существо. Этого бы хватило. Вполне хватило. Достаточно просто знать это наверняка.

Сама река была быстрой и черной. Она утешала. Она текла здесь задолго до того, как появился городок с его магазинами, церквями, ресторанами, домами, спящими горожа-

нами, судостроением, рыбной ловлей, портом, многолетними войнами из-за того, кто будет получать со всего этого ба-рыши, а затем с переправкой горских мальчиков-солдат на юг для участия в войнах королевы Виктории, переправки на судах по новенькому каналу, а затем по озерам в леднико-вых расселинах долины Грейт-Глен.

Если бы я захотела, то могла бы просто войти в реку. Могла бы встать и скатиться по береговому откосу. Могла бы просто отдаться быстрой древней реке, броситься в нее кам-нем.

Возле ноги лежал камень. Это был местный камень, с бе-лыми ребрами и поблескивающей внутри слюдой. Я швыр-нула его вместо себя.

Река рассмеялась. Клянусь. Она рассмеялась и изменилась, пока я смотрела. Изменившись, она осталась прежней. Вся суть реки заключалась во времени – в том, что время вообще-то очень мало значит. Я посмотрела на часы. Блядь. Я опоздала на полтора часа. Ха-ха! Река снова надо мной рассмеялась.

И я тоже рассмеялась и, вместо того чтобы идти на работу, отправилась тусоваться по новому торговому центру.

Теперь у нас здесь были такие же магазины, как и во всех больших городах. В них были все крупные марки и те же самые лейблы. Поэтому мы здесь стали точно такими же хорошими, как и все большие города по всей стране, что бы ни означало слово «хороший».

Но в торговом центре было полно безгранично грустных покупателей, и люди, работавшие там в магазинах, были даже еще грустнее, а некоторые казались жадными и смотрели на меня так, будто я представляла угрозу, будто я могла что-то украсть, пока бродила и ничего не покупала в пол-одиннадцатого утра. В общем, я ушла из нового молла и вместо этого отправилась в букинистический магазин.

Букинистический магазин раньше был церковью. Теперь он стал церковью для книг. И здесь было ровно столько книг, отданных другими людьми, что можно было их листать, но тебя ничуть не тошнило. Как в том стихотворении – сидишь и читаешь себе книжку, а потом закрываешь ее и ставишь на

полку, и жизнь так коротка, что, возможно, умрешь еще до того, как раскроешь эту книгу снова, а ее страницы, отдельные страницы, запертые в книге на полке, возможно, больше никогда не увидят свет. Короче, мне пришлось уйти из магазина, поскольку его владелец подозрительно на меня зыркал, ведь я проделывала то, что непроизвольно проделываю во всех книжных магазинах из-за этого злополучного стихотворения: беру книгу с полки и раскрываю веером, чтобы каждая страница увидела немного света, затем ставлю обратно, потом беру следующую и делаю то же самое, а это отнимает кучу времени, хотя в букинистических, похоже, не возмущаются так, как в «Бордерс», «Уотерстоунз» и прочих, где продавцам обычно не нравится, если сгибаешь или ломаешь корешки новых книг.

Потом я остановилась взглянуть на большой плоский камень, забетонированный в тротуаре рядом с мэрией, – знаменитый камень, старейший и важнейший камень в городе, старейшее доказательство существования города в том городе, где я выросла. Говорят, встарь на этот камень прачки ставили корзины с бельем по пути к реке и обратно или же терли о него белье, когда стирали, – не знаю, что из этого правда и правда ли хоть что-то.

У меня в кармане зазвонил мобильник. Даже не глядя, я поняла, что это из «Чистоты», и на секунду подумала про Мидж, поэтому я решила быть хорошей девочкой, что бы ни означало слово «хорошая», и направилась-таки в «Чистоту»,

вверх по холму, мимо большого рекламного щита, который кто-то очень мило испортил.

«Matchmake.com. Получи то, что хочешь». И шрифтом помельче внизу: «Получи то, что хочешь, в первые шесть недель, или получи бесплатное членство на шесть месяцев».

Это был массивный розовый плакат с попарно нарисованными на нем мультяшными человечками, стоящими возле домиков и слегка похожими на ведущих прогноза погоды. Вместо лиц у них были пустые мультяшные кружки, но человечки были в форме или обмундировании и держали что-то в руках, чтобы было понятнее, кто они такие. Медсестра (женщина) и полицейский (мужчина). Это была одна пара. Моряк (мужчина) и стриптизерша (женщина). Учительница (женщина) и врач (мужчина). Должностное лицо (мужчина) и творческая личность (женщина). Мусорщик (мужчина) и балерина (женщина). Пират (мужчина) и персонаж с младенцем (женщина). Кухарка (женщина) и водитель грузовика (мужчина). Мужчины и женщины различались между собой грудью и прическами.

Под строчкой «Получи то, что хочешь» кто-то красным, изящным каллиграфическим почерком написал: НЕ БУДЬ ИДИОТОМ. ЗА ДЕНЬГИ ЭТОГО НЕ КУПИШЬ.

А внизу, типа граффити-тега, стояло странное слово: ИОЮИСОЛ.

Иоюисол.

Ты опоздала, – сказала Бекки на ресепшене, когда я про-

ходила мимо. – Тебя искали.

Я поблагодарила ее. Сняла пальто и повесила. Села. Включила комп. Зашла в гугл. Набрала странное слово и кликнула на поиск в интернете.

Молодец, Антея, все-таки добралась, – сказал за спиной один из лысиков.

Куда? – сказала я.

На работу, Антея, – сказал он. Он склонился у меня над плечом. Из рта у него пахло кофе и ехидством. Я отодвинула голову. Он держал в руке эксклюзивную пластиковую кофейную ванночку с пристегивающейся крышкой. На ней было написано «Чистота».

Я подкалываю, Антея, – сказал он.

Ясно, – сказала я. Жалко, что я не могла вспомнить его имени, а то бы постоянно к нему обращалась, как он обращался ко мне.

Все остальные ухитрились добраться ровно к девяти, – сказал он. – Даже школьницы-стажерки. Они пришли вовремя. Бекки на ресепшене. Она пришла вовремя. Я даже не буду приводить в сравнение твою сестру, Антея.

Спасибо, – сказала я.

Лысик слегка передернулся – вдруг я посмею возразить.

Мне просто интересно, что могло тебе помешать соответствовать тем же требованиям, которым ухитряются соответствовать все остальные. Какие-нибудь соображения, Антея?

По вашему запросу – июисол – ничего не найдено. Ре-

комендации: убедитесь, что все слова написаны без ошибок. Попробуйте использовать другие ключевые слова. Попробуйте использовать более популярные ключевые слова.

Я усердно тружусь над концепцией, – сказала я. – Но мне пришлось это сделать дистанционно. Приношу извинения. Мне очень жаль, э... Брайан.

Ага, – сказал он. – В общем, мы тебя ждем. Весь креативный отдел, включая Кита, прождал тебя почти все утро. Ты же знаешь, как стрессует Кит, когда дело касается времени.

Зачем же вы ждали? – сказала я. – Почему просто не начали? Я бы не возражала. Я бы не обиделась.

Переговорная номер два, – сказал он. – Пять минут. Хорошо, Антея?

Хорошо, Брайан, – сказала я.

Значит, его *все-таки* звали Брайан. Спасибо вам, боги. Или, если нет, он просто не стал возмущаться, или ему было насрать, что я там говорю, или, возможно, он даже не слушал, что я там сказала.

* * *

Окей, дамы и господа, – сказал Кит. (У Кита был американский выговор. С Китом я еще не встречалась. Кит был боссом всех боссов.) Начнем. Включите свет... э... э... Имоджен? Умница. Спасибо.

Мидж со мной не разговаривала. Она проигнорировала

меня, когда я вошла в комнату.

Я хочу, чтобы вы посмотрели эти слайды, – сказал Кит. – И я хочу, чтобы вы посмотрели их молча.

Мы сделали, как нам велели.

Замок Эйлен-Донан¹⁵ в облачный день. В воде вокруг замка отражаются облака.

Старый мост в Каррбридже¹⁶ в снежный день. Снежный хвост на мосту. Вода под ним отражает голубизну неба. Лед на его кромках.

Спина кита поднимается из ярко-голубой воды.

Место раскопок с полосой голубой воды позади.

Озеро с зеленой безлесной долиной и военным мемориалом спереди.

Остров поднимается из ярко-голубой воды.

Хайлендская корова на фоне осеннего пейзажа, за ней – тонкая линия света на воде.

Городок. Через его центральную часть течет река, куда я недавно швырнула камень. Небо, изящные мосты, берега реки, здания на берегах, их мерцающие двойники вверх тормашками в отражениях.

Команда, – сказал Кит в темноте. – Спасибо вам всем, что вы здесь. Вода – это история. Вода – это мистерия. Вода –

¹⁵ *Эйлен-Донан* – романтический замок на небольшом скалистом о. Донан в Шотландии, основанный в XIII в.

¹⁶ Деревня в Баденох и Стратспи, где находится самый старый каменный мост в Хайлендсе.

это природа. Вода – это жизнь. Вода – это археология. Вода – это цивилизация. Вода – место, где мы живем. Вода – здесь, и вода – сейчас. Получите сообщение. Получите его в бутылке. Вода в бутылке ежегодно приносит два миллиарда фунтов стерлингов только в одной Великобритании. Вода в бутылке обходится потребителю примерно в десять тысяч раз дороже, чем то же количество водопроводной воды. Вода – это все, что мы в «Чистоте» себе воображаем. Воображение «Чистоты». Это моя сегодняшняя тема. Ну и вот мой вопрос. Как именно мы бутилируем воображение?

Один лысик заерзал на стуле, будто желая ответить. Кит поднял руку, чтобы его утихомирить.

Десять лет назад, – сказал Кит, – двадцати странам мира не хватало воды. Менее чем за двадцать лет количество стран, которым не хватает воды, удвоится. Менее чем за двадцать лет более восьмисот миллионов человек, – да-да, восьмисот миллионов человек, самых натуральных людей, в своем роде, точно таких же, как вы или я, – будут лишены доступа к достаточному количеству воды. Свет, пожалуйста. Спасибо.

Фотография нашего городка на экране поблекла. Кит сидел на столе в конце комнаты, скрестив ноги, как Будда. Он смотрел на всех нас сверху. Хотя я проработала здесь всего половину недели, до меня доходили слухи об этих встречах. Мне рассказывала Бекки с ресепшена. На телефонах отключали звук. Одна школьница упоминала об этих встречах, о

том, как было стремно, когда вторничная лекция по креативу закончилась и все вышли, словно загипнотизированные или травмированные. Она так и сказала – вторничная лекция по креативу. Кит, сказала она мне, специально прилетает на эти встречи. Он прилетает каждый понедельник, а потом снова улетает после каждой вторничной лекции.

Внезапно мне подурнело. Я опоздала на вторничную лекцию по креативу. Возможно, теперь босс всех боссов опоздает из-за меня на обратный рейс.

Вот почему «Чистота» сейчас здесь, – сказал Кит. – Вот почему «Чистота» создает водный филиал, вот почему «Чистота» инвестирует столько международных финансов в столь небольшую местность. Пресная вода, команда. В мире она заканчивается. Сорок процентов пресноводных рек и ручьев во всем мире уже слишком загрязнены для человеческого использования или потребления. Подумайте над тем, что это в действительности означает.

Он выпрямил спину и внезапно умолк. Все в комнате подались вперед, с карандашами и мини-ПК наготове. Я почувствовала, что тоже подалась вперед. Не знаю почему. Он на минуту поднял руки, словно пытаюсь остановить время, после чего снова заговорил:

Это означает, что вода – идеальный товар. Потому что вода заканчивается. Теперь уже навсегда, на веки вечные останется насущная потребность в воде. Ну и как мы поступим? Вопрос первый. Как мы бутилируем нашу «хайленд-

скую нефть»? Вопрос второй. Как мы ее назовем? Вопрос третий. Какой формы будут бутылки? Вопрос четвертый. Что будет написано на этикетках бутылок? И наконец, вопрос пятый. Будет ли что-то написано на крышках бутылок? Ответы, команда! Ответы!

Вокруг меня все лихорадочно застрочили, негромко защелкали кнопки. Кит слез со стола. Кит принялся ходить туда-сюда в передней части комнаты.

Ваши идеи, – сказал он, – должны указывать на то, что вода для нас очень важна. Они должны убеждать, что людьми управляет не природа, а наоборот, они И ЕСТЬ природа. Отлично. Они И ЕСТЬ природа. Речь должна идти про образ мышления. Нужно не просто избавить от предубеждений о нашем продукте, но и внушить, что наш продукт – самый непредубежденный продукт на рынке. «Чисто» использовать нельзя. «Чисто» используют на Аляске. «Прозрачно» использовать нельзя. «Прозрачно» используют в Канаде. «Хайленд» использовать нельзя. «Хайленд» используют наши самые крупные конкуренты. Но наше название должно подразумевать все три слова. Так что давайте, народ. Подкиньте мне название. Мне нужно название. Нам нужно название для нашей воды. Давайте. Идеи. Мне нужно их услышать. Чистая. Прозрачная. Хайлендская. Природа. Энергия. Идеи. Быстрее. Концепции. Быстрее.

Произнося каждое слово, Кит щелкал пальцами.

Текучень, – выкрикнул приятный лысик рядом со мной. – Рециркуляция. История о том, что вода умная, что она бла-

годатная, что вода способна сделать нас гибкими, ведь она умеет менять форму и конфигурацию...

Хорошо, – сказал Кит, – хорошо, хорошо! Продолжай...

...и что все мы вообще-то на семьдесят пять процентов состоим из воды. Мы должны внушить, что вода – это И ЕСТЬ мы. Мы должны внушить, что вода способна нас объединить. Независимо от наших политических или национальных различий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.